

В ЛЕНИНГРАДЕ

Рассказ

Владимир Александрович Снатенков,
путешественник, действительный член Русского географического общества

- советское образование • воспитание • походы • риски • новая школа
- туркрукжок • книги и чтение • учительские способности

В столице лучше жить или в провинции? В провинции открытее и добрее люди, нет сумасшедшего ритма и меньше обезличивания человека. Но есть провинциальная духота: почти все знают друг друга, сплетничают, раболепствуют перед любым начальством. Столица же полна возможностей. Жизнь бурлит событиями, в ней подвижней любая деятельность, театры, музеи, университеты с библиотеками обещают приобщение к большей культуре; кажется, что кругом больше свободы и просторней для творчества. И всё же большой город давит: в нём меньше человечности, много нервозности, кругом бетон и асфальт, все бегут, не замечая друг друга. Москва и Ленинград по кипению жизни — столицы. Почти в каждой стране соперничают два города: политической столице противостоит культурная. В Ленинграде я впервые услышал о «понаехавших» и «коренных» и заодно про лимитную прописку.

Страсть к путешествиям даёт лёгкость на подъём. Проехав четыре крупных города: Москву, Киев, Минск, Ленинград, я решил, что останусь жить в последнем.

С лимитной пропиской на педагогическую работу в Москве и Ленинграде можно было устроиться только воспитателем в профессионально-техническом училище (ПТУ). На работу меня взяли с удовольствием, чтобы воспитывать, т.е. утихомиривать ночами верзил кораблестроительного училища, и параллельно на полставки нашлась работа в школе. Воспитателю в училище предоставлялась бесплатно комната в общежитии. Впоследствии, живя в Ленинграде, я работал в основном в школе, а из-за жилья ещё и воспитателем ПТУ или техникума.

Воспитатель в общежитии среди великовозрастных? К этому трудно относиться не скептически. Взрослым юноша становится в 16–17 лет, если около него не культивируется инфантильность. И в 35 лет можно не повзреть около нянек. То, что из ПТУ бежали «коренные» воспитатели и их привлекали из провинциалов-лимитчиков, показывало, насколько советская школа не справлялась с воспитанием в нужный возраст. Преподаватели ПТУ, а это целая система подготовки всех специалистов не высшего образования, меньше всего идеализировали общество, глядя на поступающую молодёжь. Сегодня в отношении к СССР можно наблюдать либо истеричную официальную ненависть и ложь жиреющих, либо слёзную ностальгию раздавленного

капитализмом стареющего поколения. Советское образование было менее одурачивающим и более многосторонним, чем в капиталистических странах, и ровно настолько лучше, насколько социализм СССР, даже исковерканный сталинизмом или партократией, был лучше наёмного рабства капитализма с фальшивой претензией на демократию. Социализм и капитализм — это тоже школьная тема, и её не обойти, если касаться работы учителя или устройства школы. Общественное устройство радикально влияет на всех и на всё, и уже поэтому нельзя сравнивать советское образование с сегодняшним вне социального строя. Жить при социализме и капитализме моему поколению выпало примерно двумя равными половинками; и эти половинки — две разные жизни.

Основное моё повествование будет о школе, хотя мне пришлось работать в Ленинграде в трёх учреждениях: воспитателем в ПТУ, учителем в школе и руководителем туркружка на Станции детского туризма. Формальности трудоустройства можно было обойти при наличии двух трудовых книжек. В СССР не разрешалось иметь две трудовые книжки, но не все люди страдают добропорядочностью к косным законам. Советские люди, можно теперь заметить, в принципе имели больше внутренней свободы, чем внешне раскованные сегодняшние, и под честностью мало кто разумел формальность: тоже результат социализма.

В этой главе много биографического, но у учителей часто жизнь переполнена работой, а работа переплетена с биографией. Так, пожалуй, происходит у всех неравнодушных людей, для которых работа не только заработок. В эпизодических рассказах я не придерживаюсь рамок жанра на том основании, что «все жанры хороши, кроме скучного». Любителям чистого жанра лучше дальше не читать. Рассказывать буду по мере скромных учительских способностей, опираясь на искренность. Думается, искренность немало значит для многих в наш век сплошь корыстных отношений и разобщения.

Туркружок в школе

С директором школы в Ленинграде сначала не повезло: мужчин больше трусливых, чем женщин. Директор, где я сразу устроился ра-

ботать на полставки, слушался своих напористых тёток-завучей и сторонился вместе с ними не только походов, а всего живого и нестандартного. Консервативная администрация — это спокойствие чиновников, и школа по меркам РОНО считалась благополучной. К немногим часам истории в пятых классах мне разрешили вести ещё туристский кружок. Но завучи сразу упёрлись с разрешениями на далёкие выезды со школьниками.

Так нередко бывало: кружок вести можно, но в походы — не больше, чем на день. А ехать далеко, надолго... зачем? Вдруг чего случится? Однодневный выезд тоже можно громко назвать походом. Вяжите себе узлы в кабинете на кружковых занятиях. Или «костёр с одной спички» разожгите не во время дождя и не в лесу. Ну и два раза в год по дню можно в «поход» на окраину города сходить: вот уже и туризм есть в школе... для отчётности. А потом даже и на районный слёт выехать можно, тоже на день, и свозить туда десять человек из тысячи учащихся в школе. И получить грамоту! Честь какая школе! Показуха и отчётность способны всё выхолощивать из школьного туризма, как и из всего школьного образования.

Какой костёр с одной спички? В походе, как и вообще за дверью школы, начинается жизнь. Это в классе можно про всё хорошо сказать словами и пойти домой к маме умницей, а здесь, в лесу, на другой день очень захочется покушать и поспать тоже. В походе вылезет весь результат школярства: полная практическая непригодность во всём и прежде всего бытовая. В лесу надо устроить лагерь, кому-то сварить котёл еды на всех. Если учитель, даже из лучших побуждений, сам всё сделает, то ему предстоит всю ночь немало удивляться, как неблагодарны дети, которых не утихомирить до утра. Ну, а если никто не сварит, не поставит толком палатки,

не устроит быт, то дело для всех может обернуться ещё хуже... Достаточно выйти на три дня с любым классом, чтобы увидеть всю неприспособленность большинства подростков к любому делу, даже в походе, в который они собрались с удовольствием. Прежде всего учителя ужаснёт беспорядок в лагере и то, как бесятся вырвавшиеся на волю дети. К окончанию маршрута многие из подростков скиснут, и поход большинству не понравится. Не только в поход школьники выходят такими, они и в жизнь чаще выходят то потерянными, то ошалелыми. А жизнь, как Мефистофель: любит насмехаться.

Почему я цеплялся в школе за походы? Считал туризм лучшим из всех средств в работе со школьниками? Нет, конечно. Лучшее средство нашёл и обосновал педагог Макаренко. Его собрание сочинений на сегодня составляет девять томов. Антон Семёнович организовал с детьми рентабельное производство, сначала сельскохозяйственное, а затем промышленное: целый завод. При этом этот завод был передовым и давал большую прибыль. Кроме того, дети организованной им колонии учились в школе, играли, как все дети; также они ходили в походы самые настоящие и далёкие. Театр тоже в колонии был захватывающим.

Но главное дело — участие детей в настоящем производстве. Это не игрушки, которые часто называют трудовым воспитанием. Производственный труд — основа существования взрослого человека. А полного сил подростка школа наполняет платоническими знаниями. Только труд, имеющий смысл для жизни, научит школьника серьёзно трудиться. Труд не сам по себе рабский, а полезный людям ещё и поднимает достоинство человека в своих и чужих глазах. Работать на настоящем производстве не 8 часов в день, а 2, 3, 4 часа, в зависимости от возраста в сочетании с учёбой и активным здоровым отдыхом, — лучшее средство воспитания по Макаренко. Такой необходимый и полезный труд лучше покажет подро-

стку, для чего нужно учиться, чем назидания взрослых. Антон Семёнович это доказал практикой, а когда его стали заедать за это чиновники образования, он нашёл такое же обоснование у Карла Маркса.

Макаренко — кость в горле у всех педагогических ханжей и импотентных теоретиков. Он дал 100-процентный результат: из двух колоний правонарушителей вышло несколько тысяч незаурядных людей. Неудачники профессора, пишущие умные педагогические трактаты, упрашивали Антона Семёновича взять своих собственных испорченных детей в колонию. Книжки Макаренко, это не книги профессорско-неудачников. «Педагогическая поэма» — одна из лучших книг мировой классики и лучшая из всех педагогических.

Вторая основа макаренковской науки и практики — воспитание в коллективе и через коллектив. Умение человека считаться с окружающими людьми, быть коллективистом — самое первое качество, необходимое человеку, живущему среди людей. Конечно, капитализм культивирует в людях индивидуализм и коллективную мораль выставляет как стадность. Конечно, и советский социализм, придавленный партократией, придавал коллективизму ограниченное значение, удобное правящему слою.

Ни о каком участии школьников в производстве не могло быть и речи, несмотря на канонизацию Макаренко после его смерти и выпуска 7-томного издания в конце 1950-х годов. Тем более ни о каком участии детей в производстве со здоровыми целями не может быть речи в сегодняшних условиях при открытой эксплуатации капиталом наёмной рабочей силы. Вообще внедрение достижений выдающегося педагога сегодня невозможно представить ни в России, ни за рубежом, хотя Макаренко стоит иконой в ЮНЕСКО, как один из четырёх самых великих педагогов XX столетия.

Поскольку система не допускает лучшие внедрения новаторов, постольку многие учителя довольствуются хоть какими-то средствами, приносящими неформальный результат. Туризмом как средством, не самым лучшим, но одним из лучших, я, может быть, чрезмерно увлекался, потому что школа, даже советская, была чрезмерно оторванной от жизни. Сегодня и это средство отобрано у учителей: детский туризм задушен в угоду коммерческому, он буквально преследуется чиновниками сразу нескольких министерств.

В новой школе я, конечно, бодался с директором, а с завучами больше отшучивался: их надутую важность невозможно было воспринимать серьёзно. Но за учебный год наш туркружок всё равно успел немало. Кроме занятий по навыкам туризма мы сделали несколько выходов с ночёвками по Ленобласти, сходили в большой поход на осенних каникулах в Карпаты в районе горы Говерлы и в мае уехали в Крым — довольно необычное путешествие.

Походы с оренбургскими и ленинградскими школьниками

Необычным Крым получался потому, что в путешествии собрались и мои бывшие школьники из Оренбурга, и ленинградские. Надо немного рассказать о том, что почти все участники Крыма были уже не новичками в походах. В Оренбурге я ходил в походы не только с классом, в котором имел классное руководство, но и с теми, кому преподавал историю.

— А сходите с нами в поход! — скажет кто-нибудь из семиклассников. Этот вопрос будет задан тогда, когда учитель собирается спрашивать домашнее задание. В каждом классе есть мастер дискуссий не по теме, он же психолог, знающий слабые струны своих преподавателей.

— Что ж, можно и в поход сходить, — не устоит перед ожиданием целого класса учитель. Поход разбавляет школьные будни и связывает многих дружбой. После него больше взаимопонимания между классом и учителем. Уже с восьмиклассниками сборной группой мы прошли спортивный маршрут

по Западному Тянь-Шаню. Из Оренбурга — и на Тянь-Шань!

Как расширяется горизонт школьника за одну такую поездку! На поездках и автобусах по необъятной стране: степи Казахстана с двугорбыми верблюдами повсюду, Бухара, Самарканд с мечетями, минаретами и Регистаном из далёких веков, Тянь-Шань с бесчисленными хребтами, долинами и сияющими вершинами. И ещё маршрут через красивейшие снежные перевалы! И всё это летом в жарком поясе! После такого путешествия возвращается другой человек. Он путешественник, повидавший часть мира! Он повзрослевший не меньше, чем на год! Разве можно так спрессовать жизнь, поехав с родителями на море, глядя лениво на мир из окна отеля? Да и много ли школьников из Оренбурга бывает хотя бы на море. А тут настоящее путешествие по Средней Азии: целый мир! Такое путешествие совершенно отличается от двухнедельного лежания на пляже с перееданиями. Взглянем на постные физиономии курортников: нет в жизни счастья. А с Тянь-Шаня мы все вернулись счастливыми!

Не все школьники могут сполна радоваться жизни. Даже на Тянь-Шань хотят ехать не все дети, а наиболее живые. Научиться человеку не пусто отдыхать так же тяжело, как научиться читать неглупые книги. Почему подростку неинтересно одно, другое... и вообще мало, что интересно, в то время как другой его одноклассник занимается в театре, зачитывается книгами, ходит в походы и в учёбе неплохо успевает? Да, жизнелюбы не все. Часто встречаются баловни, которым ничего не интересно. Почему так? Это может быть один из важнейших вопросов, над которым родители ломают голову, тревожно глядя на сына или дочь. На эту тему что-то бредят психологи, но внятного ответа родителям не дают. Ленивых умом родителей устроит

оправдание: мол, трудный возраст, пубертат. Родители с претензией или раненные потребительством возмущаются, что учитель не может заинтересовать на уроке своим предметом. Одних почему-то может заинтересовать, а других — нет. Этот вопрос один из главных для родителей, для школы и для науки психологии тоже, которая подмята сегодня основательно псевдонаукой. Вопрос: почему одни дети с глубоким интересом к окружающему миру, а другим ничего не интересно? — мы затронем в специальной главе. А здесь я продолжу рассказ о ленинградских школьниках, которые соберутся вместе с оренбургскими для похода в Крым.

Ленинградцы тоже ходили в поход по Карпатам на осенних каникулах в октябре. Наша группа через Мукачево выехала на Рахов и пошла тропой по реке Тисе в сторону горы Говерлы. Осень в Карпатах в этот год капризничала, она неожиданно перешла в раннюю зиму, которой удивлялись не только мы, но и местные жители. Внезапно навалило снегу по колено, и на второй день нам пришлось с утра до вечера тропить своё продвижение несоответствующей сезону обувью. Все в группе были ещё новички, набранные из двух девярых классов. В этом моём первом питерском походе, как на подбор, собрались симпатичные барышни и мало было парней.

Старт сразу оказался трудным. К вечеру все серьёзно устали. Кто мог, злился на сложившиеся обстоятельства, многие жалели, что впряглись в рюкзаки: складывался не лучший вариант первого похода, чтобы привить интерес к последующим. Ночевать в палатках с промокшей от снега обувью и одеждой новичкам не по силам, вернее, трудно с ними, не знающими своих сил, расчистить места под палатки, организовать костёр на снегу и приготовить горячий ужин. А до предполагаемого домика лесника тоже далеко. Неточные карты и ожидаемое наступление темноты усугубляли дело. Я решил бежать к домику, чтоб не заблудиться

в ночи, а школьники дружно повалились на рюкзаки, готовые замерзнуть в лесу. Состояние апатии от усталости и вообще уныние — худшее состояние в трудную минуту.

Во всю мощь я мчался на поиски предполагаемой хижины, чтоб затащить туда уставшую группу. Среди деревьев с опавшей листвой наконец оказался домик, а из оконца его чуть брезжил свет. Это уже больше, чем надежда. Надежда улыбнулась в этот раз: в помещении располагалась небольшая группа туристов из Минского университета, и огромный бородач разливал по кружкам горячий чай.

— Мужики, у меня школьники сидят в снегу. Помогите! — выдавил я, задыхаясь.

— Где они, сколько до них ходу?

— Я бежал к вам минут сорок.

Студенты мигом выбежали за мной. В группе моей уже было упадничество, при сгущающихся сумерках. Две девочки плакали, остальные боролись с холодом, как могли. Закинув на плечи по два рюкзака и взяв под руку особенно печальных девушек, минчане завели нас в натопленный домик. Горячий чай быстро всех приободрил. Промокшую обувь можно было подсушить и переодеть сухие носки. Под гитару мы даже запели от радости.

Весь день не ели, все были голодные, и дежурные старались спешить с ужином. Я помог натопить из снега воду в котлах, проговорил с дежурными, что и как надо варить, и посчитал свою роль исполненной. Дежурили не очень ловкие юноши, и довольно скоро запахло подгоревшей едой. Также юноши умудрились в одном и том же котле густо заварить чай и в него же, вместо стоящего рядом на печи ведра, бухнули макароны. Макароны вовремя не размешали, они слиплись, и парни катали в котелке мучной ком, облепленный хлопьями заварки. Отогнав

безруких молодцев от кухни, я порубил длинным ножом ком и кинул в содержимое тушёнки. Посолил, ещё всё покипятить, и с большой голодухи подгорелые макароны были съедены полностью. В темноте кто-то заподозрил нестерильность ужина, но его успокоили, мол, тушёнки много положили. Усталость и тепло быстро повалили всех в сон.

На другой день была победа: в буран мы поднялись на Говерлу и сошли в новый домик лесника. В последующие дни установилась хорошая погода, но снег не таял. Карпаты явились нам во всей своей красе, присыпанные свежим снегом.

В домике лесника было принято всеми останавливающимися оставлять немного продуктов для тех, кого застанет непогода или бедствие. Мы тоже оставили пару килограммов гречи, хлеб и тушёнку в обмен на найденный добрый шматок сала. Пока варился ужин, мои красавицы пробовали сало с хлебом. И пару килограммов как не бывало! Запомнилась фраза милой девушки:

— Видела б моя мама, что я ем сало!

День спустя мы ходили ещё радиальным маршрутом, а к вечеру за чаем всем вспомнился первый домик лесника, который мы искали, выбиваясь из сил. Наперебой все стали рассказывать, кто как себя повёл, когда прижали холод и усталость. Подведение итогов обычно проводится в последний день перед отправлением домой, а мы только заканчивали пешеходную часть: видимо, навалившиеся впечатления требовали выхода. Слабостей своих никто не стеснялся, и мы о них говорили и над ними вместе смеялись. Этот разговор был вызван ещё и удивлением от того, как мало каждый из нас знает себя, когда давят трудности. Критику в основном все воспринимали хорошо.

Мне сказали спасибо за настоящий поход, в котором проверяются люди. Отзыв для меня был неожиданным. Поход начался жёстко, с неподготовленной группой, и впоследствии я много думал, насколько именно в этом, технически совсем несложном походе мной была превышена мера риска. Мы могли бы не выйти на хижину лесника. Да, в эти годы я был

уже опытным инструктором и сильным по молодости. С теми, кто не пал духом, мы всё равно сошли бы за ночь вниз к какому-нибудь жилью. Но не всё бывает предсказуемо, где только одна стихия природы. Трудно сказать, сколько бы человек не пало духом. Риск неоправданный всё же был.

Вся жизнь — риск, и чем ответственнее человек, тем больше он рискует. Учитель, выехавший с классом в любую поездку, даже в комфортных условиях, тоже рискует. Нередко я водил школьников в походы, более технически сложные и в более суровых условиях, но Карпатами впоследствии измерял, насколько риск оправдан. Одно дело, риск опытных альпинистов, отвечающих за себя, другое — группа школьников. Школьники же мои, мне кажется, большой опасности не заметили: они надеялись на меня. Я открыто касаюсь острой темы, потому что риск нужен, как необходимый инструмент учителю, и в то же время он имеет жёсткие границы. Риск — диалектическая величина, которая непостижима для чиновников, святош и прочих педагогических евнухов, но необходимая для учительского творчества, для работы на результат. Риск должен уравниваться осторожностью, разумеется, осторожностью не чиновничьей.

...Ребята изо всех сил старались дежурить, у нас наладился походный быт, и больше не было уныния. Маршрут завершился хорошо, мы выучили немало песен под гитару, и гнёт первых дней забылся. Во Львове к нам отнеслись с большим уважением, как к восходителям, и предоставили бесплатно ночлег во Дворце пионеров. Львов — уютный и необычный город, даже для ленинградцев: он не мог нам не запомниться. Из него мы уезжали на поезде домой.

В Ленинграде на вокзале нас встречали родители. Из долгих поездок родители всегда встречают детей, как с фронта:

с распростёртыми объятиями, с прощением всех прошлых грехов и готовые их бесконечно баловать. Они удивлялись тому, что мы пели, и пели в кругу! Старшеклассникам не хотелось расставаться после Одиссеи. Барышни плакали. Родители умилялись, не подозревая, что их дети претерпели. Дней через несколько родители догадаются, что их дети повзрослели.

Со своими учениками из Оренбурга я переписывался. Они тоже окончили девятый класс и тоже захотели в Крым в мае. Им не нужен был взрослый сопровождающий; они уже знали серьёзные походы, а их родители были воспитаны нашими авантюрами. Я написал школьникам письмо в духе, что если они чего-то значат, то смогут убедить родителей в своей самостоятельности. В письме тут же назначил руководителем оренбургских школьников девятиклассника Влада — одного из надёжнейших походников. Питерская и оренбургская группы встретились в Симферополе.

В Симферополе в окрестностях нельзя посмотреть Бахчисарайский дворец и пещерный монастырь поселенцев византийской эпохи. Стихи Пушкина в Бахчисарае замечательно читала нам экскурсовод, а в пещерах мы остались на ночлег. В этом таинственном месте ханом Гиреем, т.е. мной, и всеми уже посвящёнными было проведено «Посвящение в туристы» нескольких новичков, с клятвой ходить в походы. Обряд освящался поеданием ложки сгущёнки, в которую были подсыпаны традиционная заварка чая, соль и молотый перец.

Живя в социалистической стране, мы смотрели на христианство и ислам как на безвозвратное историческое прошлое, и нас нельзя уличить сегодня в святотатстве. Святотатство — это явившаяся вдруг дикая коммерция и коррупция около храмов. Зареставрированный монастырь с новыми строениями, торговыми лавками и раскрученной коммерцией для шопинговых туристов наконец уничтожили дух древности и истори-

ческую ценность древнехристианского поселения. И удивительно само по себе, как целые атеистические нации со сменой общественного строя тут же «пришли» к богам и религиям. Религии начали претендовать на монопольное право «духовности» народов, а школе стало незначем заниматься воспитанием. Хватит с неё образования и тоже на манер сменившегося строя.

После ночлега в монастыре мы сели в троллейбус — на самую длинную в мире троллейбусную линию, и хор в сорок человек затянул песню Визбора «Не верь разлукам, старина». Пели и другие песни, пока не приехали в Ялту. Линия Симферополь — Ялта тянется больше 80 км. Водитель, молодой парень, так проникся нашим воодушевлением, что категорически отказался брать с нас плату за проезд.

В Ялте в те времена не было ещё туристской давки, несмотря на то что город был курортным. Курорты, санатории, турбазы, пляжи более-менее размеренно тянулись по всему морскому побережью. Мы, разумеется, были «дикими» туристами и не привязывались к пансионатам. Искушавшись на городском пляже, все сразу стали рваться в горы. Отдыхающие в Крыму поднимаются на подъёмнике на лысую Яйлу к Ай-Петри, но такой комфорт рассчитан на разморённых пляжем и солнцем курортников. Пешеходная тропа с набором высоты больше километра — это всегда маршрут на целый день; с полными рюкзаками и на два дня хватит. Обзорная панорама с Ай-Петри великолепна, а с тропы таких видов открывается сотни, под разным углом показывая огромную часть Чёрноморского побережья.

На тропу из Алупки мы попали не сразу, потому что ошиблись с автобусом. Пришлось сначала напролом идти по крутым травяным склонам, осыпям и морене; после обеда всё же маршрут наладился. Крым выше Алупки

и Ялты — это заповедные хвойные леса и выступающие громадные скалы, а оглянувшись назад, с высоты птичьего полёта можно видеть череду городов, вдаль убегающие берега и бирюзовое море до горизонта.

В Крыму легко путешествовать и нет надобности обо всём рассказывать в деталях. Маршрут наш складывался гладко, да и как ему ещё складываться в майское цветение и хорошую погоду. К тому же среди оренбуржцев было больше юношей достаточно спортивных; они были также более ловкими в быту. От Ай-Петри с подъездами по серпантинам мы вышли к Чатыр-Дагу, а затем к скалам Демерджи и спустились на побережье вблизи Алушты. Походный маршрут всегда хорошо перемешать с экскурсионной программой. Мы ездили в Артек, на Поляну сказок, в Ботанический сад, в Дом-музей Чехова, смотрели Ласточкино гнездо и крымские дворцы с ливанскими кедрами.

У костра однажды кто-то вспомнил о традиционном «капустнике», и до всех дошло, что путешествие заканчивается. Предпоследний день прошёл в творческих муках. Несмотря на жару, народ сосредоточенно готовился к вечерней программе, периодически забегая в море. Вечером состоялось настоящее театральное представление: весь поход и его участники были представлены в лицах миниатюрами, стихами и песнями. Спать пошли под утро, но тоже не все. Молодые люди попеременно любили. В Симферополь мы также вернулись на троллейбусе с песнями. Первыми уезжали домой оренбуржцы.

Прощание было эмоциональным и не поддающимся описанию. Послепоходная дружба имела многолетнее продолжение. Оренбуржцы год спустя приезжали в Ленинград, а для ленинградцев уже в их студенческую пору устраивался байдарочный сплав по Уралу. Я в этом сплаве не участвовал, потому что отпраивался в поход с новыми школьниками.

К крымскому путешествию можно упомянуть ещё про два явления. На подведении итогов в последний день старшеклассники упрекнули меня в том, что пешеходная часть маршрута была слабовата. Упрёк верный, хотя и редкий во всех проводимых мной походах. На буду-

щее его надо было учесть. Впоследствии у меня были ещё походы в Крыму с другими группами, и все они начинались с Большого Крымского каньона. Каньон одолевался частично по воде, а когда воды оказывалось много — и по скальным стенам. Привалы делались около «Ванн молодости» или на полянах после одоления водопадов и скал. Тропа в ущелье оставалась чуть приотптанной, туристы на удалённых маршрутах не оставляли после себя мусор, а за прохождение каньона никому не приходило в голову брать деньги, как сегодня. По трудности одоления маршрут по каньону был достойным и красивым.

И второе: случился конфликт, который за день и разрешился. Сначала наметилась какая-то раздражительность между двумя лидерами, в которую втягивалось ещё несколько человек. Неявное или явное недовольство друг другом спутников и маленькие интриги вскоре становятся заметны многим. К этому не ладится с дежурством, и мне нельзя уже не возмущаться. Тут же много пустой говорильни и выпирает бравада отдельных персон в виде самоутверждения. Причины такой атмосферы размыты и не сразу понятны даже тем, кто потоньше и попроницательней. Ситуация, как с роднёй: все одной крови и все втянуты в пересуды; отдельные родственники тренируются в эгоизме и хотят, чтоб их любили больше остальных. Трудно даже сформулировать суть конфликта.

Иногда надо дать такому закисанию развиваться, а иногда его нужно пресечь. В группе с новичками можно не расстраиваться: лучше всего выйти на тропу с рюкзаками, побольше пройти — и блажь чаще всего сбрасывается. А как быть не с новичками? Все долго ждали путешествия, собрались вместе и вдруг капризы... По плану у нас днёвка, мы отдыхаем на поляне. Почему нужно давить всех ходьбой

без надобности, если неймётся троим или четверым? Почему мы не можем попеть, помолчать, поговорить, слыша друг друга? Можно и погулять не кучей, если устали от общения. Все эти старшеклассники, уже взрослые люди, были мне дороги — я боролся с обидой. Ушёл от всех очень расстроенный. На природе не так тягостно одиночество и обобщённое работает мысль. Я готовил какие-то аргументы, но они негодились. Вечером конфликт исчерпался без слов, и дальше путешествие продолжилось без заноз. Как скоро группа избавится от заноз, сильно зависит от её состава. Наш состав был неплохой.

Новые планы на путешествие обычно рождаются во время заканчивающегося старого похода, но летний замысел с ленинградскими школьниками нам категорически запретили. Я решил уволиться из школы. Написал заявление об увольнении «в связи с трuсливым отношением директора к походам» и уехал в горы: сначала на Памир, а затем на Кавказ. Отпуск воспитателя общежития на второй работе был не менее длинным, чем учительский.

Воспитатель в общежитии ПТУ

На Кавказ меня позвал коллега по ПТУ «Михал Михалыч» Кораблёв. У Миши золотые руки, он сильно увлекался горным туризмом и был уважаемым преподавателем. Здесь, пожалуй, уместно сказать немного о преподавателях и учащихся ПТУ. Педагогический коллектив училища имел немало толковых преподавателей, а некоторые из них были абсолютными оригиналами. В послешкольном образовании основанием служили три ступени: ПТУ, техникум, вуз, т. е. последовательно готовились квалифицированные рабочие, технологи разных уровней и инженеры. В ПТУ в основном шли все, кто слабо учился в школе. «Путяга» не считалась престижным заведением и «путяжники», как они сами себя называли, были нелёгкой воспитательной средой. Про этих учащихся

можно сказать, что они не любили и даже презирали теоретическую учёбу, но выглядели лучше на учебных станках и вообще в практической работе. И здесь, в ПТУ, как в школе, сказывалась оторванность надуманных программ от жизни работяги, на специальность которого молодёжь уже определилась. Теория тоже может быть приближённой к жизни, но академический подход не брал в расчёт «путяжника».

Теперь говорят, что советское образование было лучшим в мире. Но весь мир, мягко говоря, несовершенен: советское образование было лучшим среди худших. Можно представить, какое ничтожное образование вообще почти во всём мире. И всё логично: образование и наёмное рабство в другом сочетании и не могли бы сосуществовать. Образование — это не только профессия и знания, это ещё и одурачивающая идеология. Советское образование обосновывало искорёженный социализм; буржуазное образование служит откровенному наёмному рабству. Эти задачи отчасти возлагаются на учителей, преподавателей всех учреждений, воспитателей. Разумеется, реализация этих задач ставится вполне высокоморальной терминологией. Поэтому все реформы в образовании, даже уничтожающие всё, что было создано прежде, имеют вид благих намерений.

Слабонервные преподаватели, попробовав себя на благородном поприще сеять разумное, доброе, вечное, быстро убегали из училищ. Оставались преподавать люди с характером. Когда в общежитие приходил Юрий Вениаминович Сирота (ударение на второй слог), его питомцы, втянув голову в туловище, бежали в свои комнаты изобразить порядок в них и даже разложить учебники, которых никогда не читали, открытыми. Предупреждающий возглас «Сирота!» звучал для всех, как сигнал бедствия. Но предупреждать и не нужно было особенно. Железный голос преподавателя слышен был сразу на четвёртом этаже, и я не мог не радоваться его

приходу: он выполнял мою работу. В училище на своих уроках он двумя-тремя словами приковывал к классной доске самую распущенную шпану. Бедой для неё была его способность видеть каждого своего воспитанника насквозь. На его лекциях была образцовая тишина; лекции он не читал, а «забивал гвозди каждым словом». Этот человек при всей внешней строгости был добрым, а коллеги отмечали даже некоторую сентиментальность в нём. В трудную минуту некоторые «отпетые путяжники» ходили исповедоваться к нему. Двое учащихся, которых я встретил десятилетием позже, признавались мне, что, если бы не Сирота, они бы сидели в тюрьме...

Или Аркадий Фёдорович Бутов — капитан первого ранга в отставке, невысокого роста, лысоватый и очень эмоциональный человек. Его речь, чаще с подвохом, учащиеся и коллеги слушали всегда с напряжением: сейчас моряк что-нибудь выдаст. Слова поражали искренностью и образностью, от которой все валились со смеху. Редко, и в самый нужный момент, речь пересыпалась матерком, но капитана никто не считал матерщинником. Ученики моряка любили и побаивались; капитан тоже мог обнять ученика по-товарищески или наоборот — дать понять разницу между салагой и морским волком. Бутов тоже немало кому помог в жизни из училищного хулиганья. Наверное, сама трудновоспитуемая среда шпаны просеивала и создавала такой тип преподавателей. Хотя в училище работали и несколько женщин — довольно красивых и мягких характером.

На фоне строгих преподавателей я считался добрым. Добреньким быть легко, и это не хорошо, но на большую требовательность меня здесь не хватало. Я старался выполнять обязанности воспитателя и не более того. Невозможно гореть на двух-трёх работах. Школа была основным делом, там я работал пристрастно; в этом пристрастии, может быть, и ломал дров больше, чем надо. И добреньким в школе не считался. Так я и ушёл впоследствии из ПТУ, оставшись, по мнению многих учащихся и преподавателей, интеллигентным воспитателем.

Сюда же, в зачёт мне, пошло одно мероприятие: наше училище заняло первое место в ху-

дожественной самодеятельности среди ПТУ Ленинграда. Участников конкурса в основном представляли дамские училища, а мы — мужики большой команды в три гитары (я был на сцене вместе со своими воспитанниками) пели переделку Окуджавы «Ваше благородие» и остроумно шутили в зале среди девушек про изъяны профтехобразования. После этого вечера уже в общежитии учащиеся спросили меня:

— Почему вы не перейдёте к нам работать полностью?

— Нравится школа. Воспитанием нужно заниматься, как можно раньше, — оправдывался я.

— А мы пропащие, — иронизировали про себя «путяжники».

Отпуск в горах

Я уже упоминал про «Михал Михалыча», с которым мы вместе ходили в горы. Миша был не просто Кораблёв, он ещё окончил «Корабелку» — престижный ленинградский институт и преподавал в кораблестроительном училище. По всему ему бы надо ходить в море, но он любил горы.

На Кавказе, кажется, нас было восемь человек. Мы ходили в горную «пятёрку» — поход высшей категории сложности. Такие маршруты обычно тянутся через вершины, ледопады, перевалы и поднебесные плато, не выходя три недели из снегов. Центральный Кавказ между Эльбрусом и Казбеком может соперничать по красоте с Гималаями, Каракорумом, Памиром, Кунь-Луном, несмотря на то, что он хребтами ниже гигантов на 2–3 километра. Величие Кавказа открывается на высоте 4–5 тысяч метров, и никто этого величия не видел, кроме горовосходителей высокого класса. Дыхтау, Стена Безенги, Гестола, Тетнульд, Чатын, Ушба,

пик Щуровского — все эти пики, башни, ледовые плато наверху открывают шокирующие панорамы, о которых не подозревают простые смертные. В этих словах не пафос. Есть неизвестная планета на больших высотах: в непогоду она смертельно опасна, в погоду — концентрированная красота Земли. Всех этих потрясающих картин невозможно увидеть снизу даже из Сванетии или Кабардино-Балкарии — красивейших областей Кавказа. А наверху там — немногие из альпинистов дерзают на трудных маршрутах!

Руководителем «пятёрки» у нас был Саша Крупенчук — лучший врач, каких мне пришлось увидеть в экстремальных условиях. Его жена тоже в команде. Она тоже врач, логопед, впоследствии написавшая немало книг по своей профессии. В общем, в команде интеллигентных людей мы долго обитали в снегах, проклинали всё, когда было очень сурово, и восхищались мирозданием в погоду. Потом спустились в Баксанское ущелье.

После этого маршрута все, кому позволял отпуск, остались ещё, чтобы для души сделать восхождение на Эльбрус: акклиматизация у нас есть, в погоду гора нетрудная, всего 2А (вторая категория трудности). Восхождение по классическому маршруту, предельно удобное. Нужно подняться на подъёмнике до 3800 метров и пройти немного до «Приюта Одиннадцати» на 4200 метров. Можно спать в палатках на снегу, а если есть места, то в самом приюте. Места были, и мы млеи от комфорта. Я глядел на красивую девушку и думал: «Ей-то зачем сюда забираться?»

Девушка обратилась ко мне:

— Вы, наверное, играете на гитаре? У нашего руководителя сегодня день рождения, надо его поздравить. Давайте, вы сыграете, и мы вместе ему споём.

На нашу репетицию вышли из комнат ещё несколько красавиц. Насколько мог, я лабал

на гитаре. Миша подтрунивал там, где я не попадал в лады. Кто-то остроумно привёл изречение Окуджавы: «Научившись брать три аккорда — я стал композитором». В компании уже много смеялись, и на шум вышел именинник. Экспромтом знакомые и незнакомые все, кто жил в приюте, начали справлять именины.

Именинником был Эдуард Ефимович Циперсон — легендарный человек в детском туризме Ленинграда. На Эльбрус он вёл учителей (преимущественно учительниц), приобретавших опыт инструкторского руководства категорийными походами со школьниками. Какая ещё страна в мире имела таких учителей! Эдуард Ефимович попросил нашу команду подстраховать его группу на случай непогоды. Небритые мужики преисполнились миссией около женщин. Но праздновать нельзя было долго. Отбой в приюте всегда не поздний, потому что для восхождения все просыпаются в 2 или 3 часа ночи, чтобы выйти в ночи и спуститься с вершины раньше обеда, пока не плавится сильно снег на высоте.

Восхождение прошло удачно. Было холодно, до минус 25, и ветрено, но без облаков. Я не фотографировал раньше, наверно, из-за учительской занятости, и потом, когда ездил во многие страны, жалел, что упустил возможность поснимать красоты Кавказа с альпинистских высот. Эльбрус, как специально, расположен под углом лучшего осмотра Главного Кавказского хребта: косая линия снежного панциря вулкана, снизу и в космос пересекает линию главных вершин. Накра, Донгузорун, двуглавая красавица Ушба, Шхельда сверкали на морозном прозрачном воздухе: мало в мире более величественных картин, чем в высоких горах.

После восхождения Эдуард Ефимович предложил мне работать в СЮТУР (на станции юных туристов). Но хотелось найти школу, несмотря на лимитную

прописку. Ему я посетовал на школу, из которой уволился:

— Володя, есть директор, где ты сгодишься!

Про этот разговор в горах я забыл, да и приехал в Ленинград в середине сентября. После путешествия человек становится философом: он вдруг заметит, что все бегут по кругу. А уж после восхождения... Всеобщую суету альпинист после восхождения воспринимает снисходительно; он смотрит на всё, оглянувшись назад с высоты. И не разоряется на эмоции. Памир и Тянь-Шань длились два месяца, а по впечатлениям — какой сгусток жизни! В таком блаженном состоянии я вернулся «в суету городов», т. е. в общежитие ПТУ. Искать школу решено было не спеша.

На другой день в общежитии меня позвали с утра на вахту к телефону:

— Владимир Александрович? Срочно придите в школу 495. Метро «Парк Победы». Мне о вас говорил Эдуард Ефимович, я вас уже приняла на работу.

Возразить я не успел. Побрился и поехал.

Новая школа

Кабинет у директора нараспашку, забегают учителя, завучи, старшекласники. В толчее и меня подтолкнули. Разговор сразу начался по существу:

— Начало года, нет времени на подробности: у вас урок в пятом Е классе. Не удивляйтесь, пятых набралось шесть классов, других по 4-5 параллельных. Идите, кабинет этажом ниже. Нагрузка 20 часов вас устроит? У нас в школе будет три учителя истории, и все мужчины.

Эту кучу информации директор высыпала спокойным тоном.

— А документы мои посмотреть не хотите? 20 часов — это полная ставка, у меня лимитная прописка, — спешил я предупредить.

ЖИЗНЬ В ПРОФЕССИИ

— Что-нибудь придумаем. Идите в класс, урок уже начался; там веселятся, отсюда слышно.

— Попал в лавину! — Мыслил я ещё альпинистскими категориями.

В опешившем состоянии зашёл на урок. Но удивляться некогда. Даже очень спокойный класс не даст преподавателю особо сосредотачиваться на своих чувствах, он требует присутствия всего учителя на уроке, иначе освистают, тем более новоявленного. Я провёл подряд четыре урока в разных классах, экспромтом развивая тему: для чего надо изучать историю? День показался длинным, и было ощущение, что давно уже работаю в этой школе. После уроков снова зашёл к директору.

— Да, забыла сразу сказать, что у вас классное руководство в седьмом Г. Ребята ждут, я их предупредила: идите знакомьтесь. Класс у вас трудный: не столько детьми, сколько родителями...

В классе было девять Ань. Когда они называли имена, я, естественно, думал, что меня разыгрывают. Все смеялись, когда из-за стола поднималась очередная Аня. Позже я узнал, что Людмила Николаевна обстоятельно беседовала с каждым учителем, которого принимала на работу. Мне, видимо, было сделано исключение по рекомендации Эдуарда Ефимовича. Она предполагала, что преподавать предмет хорошо при желании всегда можно научиться, но надо, чтобы учитель умел ещё что-то особенное, чем мог бы увлечь школьников.

Начинать работать с классом мне хотелось в своём амплуа, т.е. походом. Директор разрешила нам поход по Ленобласти в учебное время. И сразу же была оговорена большая поездка на Кавказ в осенние каникулы. Походы разрешили, как само собой, и это

не удивило никого в школе, директор сама инструктор туризма. Первый поход прошёл неплохо, но и не без инцидентов. К Кавказу нужно было подготовиться обстоятельней и заранее. Родительское собрание тоже проводилось заранее. Дети поделились новостью с родителями, а родители всегда рады угодить хорошим порывам детей. На необычное собрание пришли даже некоторые папы.

Я уже зачитывал список необходимого снаряжения и одежды, как вдруг одна мама сказала, что наш маршрут с названным мной перевалом опасен и непосилен классу. И так считает присутствующий среди нас опытный альпинист. Альпинист поднялся из-за стола и с некоторой неловкостью подтвердил версию мамы. Собрание, где присутствовали и ученики, притихло. Наступило неловкое молчание. Школьники глядели на меня и молча спрашивали: «Неужели похода не будет?»

У меня не хватило самообладания, я растерялся и стал что-то мямлить, как неподготовленный школьник у доски. Энтузиазм мой явно кому-то не нравился. В это позднее время вошла директор, чтобы передать мне какие-то бумаги, относящиеся к классу, которые нужно было заполнить и утром отправить в РОНО. Она уловила общую заминку и поинтересовалась проблемой. Уяснив суть, она спросила у альпиниста:

— Вы чей папа?

— Меня вот... Пригласили...

— Покиньте класс и на собрания приходите только к своим детям, — распорядилась директор.

Дверь закрылась. Людмила Николаевна сделала паузу, оглядела аудиторию и тихо спросила:

— Вы скольких классных руководителей уже съели?

Все застыли от вопроса. Но вскоре публика зашевелилась: одни родители стали возмущаться другими. Директор повелительным жестом без слов прервала возмущения и прибавила:

— У меня пятый А класс до сих пор без классного руководства, я могу его предложить Владимиру Александровичу. А вы можете подождать, когда придёт в школу другой учитель. Решите это сейчас. Базарность не разводите.

И вышла. Родительское собрание продолжилось примирительно. Нужно было дочитать список необходимых вещей для похода и ещё что-то говорить про грядущий учебный год.

После собрания я думал про себя: «Провинциал... это тебе не в Оренбурге, хотя уже второй год в Ленинграде. Хорошо, что ещё не поехал жить в Москву... А директор-то как мастерски отчитала мамашек за козни! Родители некоторые будут с камнем за пазухой; сколько таких? И как с их детьми учитель должен жить душа в душу?». Как раз перед этим я читал «Мартина Идена» — о судьбе провинциала в столице.

Книги, которые мы выбираем

Хорошие книги — это везучая часть моей жизни! Нужная книга иногда подворачивается нам по наитию. Я рано начал работать в школе и, находясь перед школьной аудиторией, рано понял, что ничего не знаю. В 21 год составил себе обстоятельную систему образования из классической литературы и старался держаться её, избегая моды. В советское время задавался хорошим вектор в сторону классики, а учительская работа сама по себе не склоняет к второсортным книгам. К своей системе я относился как к изобретению и не без тщеславия пополнял список необходимых книг к прочтению. Впоследствии, конечно, понял, что изобрёл велосипед.

Но хорошая программа — это великая удача! Сколько людей из читающих и достаточно умных не нашли своих книг и читают что попало. «Универсальность» (я долго пользовался этим наивным словом) системы была проверена так: учась заочно на историческом факультете, можно было в конце концов догадаться пролистать 10-томную (там даже 13 томов) Всемирную историю и выписать оттуда всех великих людей с их лучшим книгами. Книги, которые я читал, беспощадно всю жизнь подчёркивал. Меня стыдили. А сейчас их выкидывают в мусорки. Много бы я дал сегодня, чтобы собрать эти почёрканные книги все вместе. И хвастался бы ими! Разве мне не повезло с их выбором? Сейчас я проповедую, что нужно в первую очередь прочесть 50 лучших книг или хотя бы 20. Кто знает, какие 100, 50 или 20 книг самые лучшие? В одной из школ, где мне пришлось работать, в кабинете литературы висел портрет Льва Толстого и под ним изречение о том, что нужно стремиться прочесть самые лучшие книги всех времён и народов. Уверен, что эта скромная иллюстрация с цитатой хорошо повлияла на судьбу хотя бы нескольких учеников. Ведь можно прочесть и тысячу книг, уводящих в поверхностность или бредни.

Есть критерии, которые можно предложить для выбора лучших книг. Опять же, в советское время была издана Библиотека всемирной литературы в 200 томах. Над её разработкой и изданием работали лучшие писатели не худшей эпохи. Индивидуально и коллективно они обосновывали значение каждого классика, и надо быть очень самонадеянным, чтобы не посчитаться с таким интеллектуальным коллективом в выборе мировой художественной литературы. К каждому тому «Всемирки» написана не поверхностная критика. Читать, например, «Божественную комедию» Данте трудно из-за характерного языка средневековья, хотя эта книга и гениальна и переведена, по отзывам, замечательно. Но уже «Фауст» Гёте читается легко всеми, привычными читать не ерунду. Из 200 томов выбрать 20 тоже непросто: но это уже не в мусоре чтива копать. Лев Толстой, например, написал 90 томов, но в 200-томник вошло наиболее значимое у него — всего три книги.

От себя я многим любителям поспорить советую прочесть «Былое и думы» А.И. Герцена хотя бы для того, чтобы увидеть сегодняшнюю завранность всей российской истории. А каков язык Герцена! А его ум! Герцен велик и в частном сюжете, и в общем обозрении эпохи, и российской оценкой, и всемирной. Он знался с невероятным числом великих умов Европы, которые к нему относились с благоговением. Для людей образованных, с кем приходится общаться, почитать «Былое и думы» я предлагаю с подвохом, как тест. Если прочтёт эту книгу с интересом, значит, поглубже человек; не прочтёт — тогда просто образованный.

Классики — это не только умнейшие люди своей эпохи, хотя и этого уже достаточно, чтобы их читать в первую очередь. Хорошие книги помогают не утонуть в мелочах. Они классический базис, который проблемы современности освещает умом наиболее выдающихся художников и мыслителей человечества. Можно любить и шумную компанию, и уединение с книгой: разве стоящая книга не мощнейшее общение? Классика ещё — это спасение от безудержной каждодневной лжи, конъюнктурной идеологии, лезущей из всех щелей с целью одурачивания людских масс. Нас зомбируют, а мы посредством книг, проверенных веками, возвращаем мозги в здоровое состояние: дух, как и тело, лучше питать не гнильём. Разумеется, гуманитарное образование не может ограничиваться только художественной литературой. Нужны ещё ясно изложенные книги по истории, социологии.

Когда учителю читать? Когда читать всем людям вообще, если жизнь повсюду похожа на забег сумасшедших: кто кого обгонит в конкуренции? Учитель, читающий только по своему предмету, не учитель. Мне удавалось много читать в транспорте. С хорошей книжкой можно и проскочить свою станцию

метро. Тогда ученики радуются, что учитель опоздал на урок. А уж как хорошо читать в поезде в долгой поездке! Если едем в поход, можно посадить около себя пару буйных воспитанников, тоже с книжкой — и воспитательный процесс идёт, и своё читаешь. Разъездной образ жизни тоже имеет свои удобства: самолёт летит два часа, а действительно, пока приедешь в аэропорт, да потом из другого порта уедешь — уходит весь день за перелётом. Дома всегда найдётся суета, а в дороге — только книжка. Дома, конечно, приходилось читать и по ночам.

Читающих людей немного, несмотря на самообольстительное мнение, что мы самая читающая страна. А если посмотреть, что люди читают, то лучше бы они не читали вообще. В метро большая часть пассажиров тупо смотрит в одну точку, а некоторые читают... Донцову, например. В советское время читающих было много, разве что в сравнении с сегодняшним днём. А в принципе — мало, даже в «культурной столице». **НО**

In Leningrad Story

Vladimir A. Snatenkov, traveller, full member of the Russian geographical society

Abstract. *The life of a teacher, full of work, and activities intertwined with the biography. What happens to all concerned people, for whom work is not just earnings.*

Keyword: *Soviet education, upbringing, trips, risks, new school, chip, books and reading, teaching skills.*